

ГЛАВА 1

Меня арестовали в ресторане Ино. В двенадцать часов дня. Я ел яйца всмятку и пил кофе. Поздний завтрак, еще не обед. Я насквозь промок и устал после долгой прогулки под проливным дождем. Пешком от самого шоссе до окраины городка.

Заведение было маленьким, но чистым и светлым. Построенное совсем недавно, оно изображало переделанный железнодорожный вагон. Узкий, вытянутый зал, с длинной стойкой вдоль одной стены и кухней, спрятанной в глубине. Вдоль противоположной стены отдельные кабинки. Вместо центральной кабинки — входная дверь.

Я сидел в кабинке у окна и читал забытую кем-то газету, где было напечатано про новую предвыборную кампанию президента, за которого я не голосовал в прошлый раз и не собирался голосовать сейчас. Дождь прекратился, но стекло было до сих пор усыпано блестящими бусинками капель. Вдруг я увидел подъезжающие к ресторану полицейские машины. Быстро пронесшись по дорожке, мощенной гравием, они завизжали тормозами, останавливаясь у самого входа. На крыше включенные маячки. Капельки на стекле расцвелись красными и синими огоньками. Двери машин распахнулись, и оттуда высыпали полицейские. По двое из каждой машины, с оружием наготове. Два револьвера, два ружья. Мощная артиллерия. Один револьвер и одно ружье побежали

к черному входу. По одному револьверу и ружью ворвались в ресторан.

Я сидел и молча смотрел на происходящее. Я знал, кто находится в ресторане. Повар в своем закутке на кухне. Две официантки. Двое пожилых мужчин. И я. Вся операция была затеяна ради меня. Я успел провести в этом городке меньше получаса. Остальные пятеро, по всей вероятности, прожили здесь всю жизнь. Если бы у них возникли какие-то проблемы, к ним застенчиво подошел бы сержант, бормоча под нос извинения. Он пригласил бы их проехать в участок. Так что оружие и стремительность предназначались не для них. Все это было для меня. Запихав яйцо в рот, я засунул под тарелку пятерку. Сложил газету, убрал ее в карман. Допил кофе и положил руки на стол.

Полицейский с револьвером остался в дверях. Припав на колено, он крепко держал оружие обеими руками, направив его мне в голову. Полицейский с ружьем осторожно приблизился. Это были поджарые, накачанные ребята. Опрятные и чистые. Движения как из учебника. Револьвер у дверей с определенной долей аккуратности держал под прицелом весь зал. Ружье выстрелом в упор неминуемо размазало бы меня по стене. Разместиться по-другому было бы большой ошибкой. В рукопашной драке из револьвера даже с близкого расстояния можно промахнуться, а выстрел картечью от двери поразит не только меня, но и подошедшего ко мне полицейского, а также старика в дальней кабинке. Пока что ребята вели себя правильно. Тут никаких сомнений. Сила была на их стороне. И тут тоже никаких сомнений. В тесной кабинке я оказался как в ловушке. Я был слишком зажат, чтобы чем-либо ответить. Я положил руки на стол.

Полицейский с ружьем подошел ближе.

— Ни с места! Полиция! — крикнул он.

Он крикнул это так громко, как только смог, давая выход своему внутреннему напряжению и пытаясь меня запугать. Действия из учебника. Обилие звуков и ярости, чтобы подавить жертву. Я поднял руки. Полицейский с револьвером направился ко мне от двери. Полицейский с ружьем шагнул ближе. Он подошел слишком близко. Вот их первая ошибка. Если бы мне было нужно, я мог бы броситься на ружье и отбить ствол вверх. Выстрел в потолок, удар локтем полицейскому в лицо — и ружье стало бы моим. Парень с револьвером уменьшил угол наблюдения и не мог бы стрелять, не рискуя попасть в своего напарника. Для обоих все могло кончиться весьма плохо. Но я просто сидел за столом, вытянув руки. Парень с ружьем продолжал кричать и прыгать около меня:

— Ложись лицом на пол!

Не спеша выйдя из кабинки, я протянул свои запястья полицейскому с револьвером. Я не собирался валяться на полу. Только не для этой деревенщины. Даже если они согнали сюда весь полицейский участок, вооруженный гаубицами.

Полицейский с револьвером оказался сержантом. Он был совершенно спокоен. Пока второй держал меня под прицелом ружья, сержант убрал в кобуру револьвер и, отстегнув от пояса наручники, защелкнул их на моих запястьях. Через кухню в зал ворвался отряд прикрытия. Обойдя стойку, они встали вокруг меня. Принялись обыскивать. Очень тщательно. Я видел, как сержант регистрирует отрицательные кивки. Оружия нет.

Ребята из отряда прикрытия взяли меня под локти. Парень с ружьем по-прежнему держал меня под прицелом. Сержант выступил вперед. Ладно скроенный белый мужчина атлетического телосложения. Одного со мной возраста. Бирка над нагрудным карманом гласила: «Бейкер». Он посмотрел мне в лицо.

— Вы арестованы по подозрению в убийстве, — сказал сержант. — У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. У вас есть право воспользоваться услугами адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, штат Джорджия предоставит вам адвоката бесплатно. Вы понимаете свои права?

Замечательное исполнение правила Миранды. Сержант говорил четким, поставленным голосом. Не прибегал к помощи бумажки. Он говорил так, словно знал, о чем говорит и почему это так важно. И для него, и для меня. Я молчал.

— Вы понимаете свои права? — повторил сержант.

Я по-прежнему молчал. Долгий опыт научил меня, что нет ничего лучше полного молчания. Скажи что-нибудь, и это может быть неправильно услышано. Не так понято. Истолковано превратно. И ты можешь оказаться за решеткой. Ты можешь быть убит. Молчание же сбивает с толку полицейского, производящего арест. Он вынужден предупредить тебя, что ты имеешь право молчать, но его выворачивает наизнанку, если ты этим правом пользуешься. Меня арестовывали по подозрению в убийстве. Но я молчал.

— Вы понимаете свои права? — снова спросил меня полицейский по фамилии Бейкер. — Вы говорите по-английски?

Он сохранял спокойствие. Я молчал. Он оставался спокойным. Это было спокойствие человека, для которого мгновение опасности миновало. Ему оставалось лишь отвезти меня в участок, и потом я стану заботой кого-то другого. Сержант переглянулся со своими товарищами.

— Хорошо, отметим, что он ничего не говорит, — проворчал он. — Ладно, пошли.

Меня повели к двери. В дверь мы прошли гуськом. Сначала Бейкер. Затем парень с ружьем, пятащийся за-

дом, все еще направляющий на меня большое черное дуло своего ружья. У него на бирке было написано: «Стивенсон». Белый мужчина, среднего роста, в хорошей физической форме. Оружие у него было похоже на обрезок водопроводной трубы. Оно было нацелено мне в живот. За мной шли полицейские из группы прикрытия и подталкивали меня в спину.

На улице стало еще жарче. Судя по всему, дождь шел всю ночь и большую часть утра. Теперь бесчинствовало солнце, и от вымощенной гравием дорожки шел пар. Вообще-то, в жару здесь должно было быть пыльно. Но сегодня царил бьющий в голову замечательный аромат политой дождем мостовой, нагретой полуденным солнцем. Повернувшись лицом к солнцу, я вздохнул полной грудью, позволяя полицейским перестроиться, по одному с каждой стороны, для короткой прогулки к патрульным машинам. Стивенсон с ружьем по-прежнему замыкал шествие. Когда мы подошли к первой машине, он задержался на шаг, и Бейкер открыл заднюю дверь. Мне пригнули голову, полицейский слева аккуратно прижался к моему бедру, после чего меня запихнули в машину. Хорошие движения. В таком городке, расположенном в глуши, подобная слаженность говорит скорее об упорных тренировках, а не об обилии опыта.

Я оказался один на заднем сиденье. Кабина была разделена толстой стеклянной перегородкой. Передние двери были еще открыты. В машину залезли Бейкер и Стивенсон. Бейкер сел за руль. Стивенсон, развернувшись, не сводил с меня глаз. Все молчали. Машина прикрытия поехала следом. Обе машины были новыми. Мы ехали плавно и бесшумно. Внутри было чисто и прохладно. На заднем сиденье никаких свидетельств отчаяния, оставленных теми, кто ездил здесь до меня.

Я смотрел в окно. Штат Джорджия. Я видел богатую, плодородную землю. Жирный, мокрый краснозем. Длинные ровные ряды кустов на полях. Наверное, арахис.

От него толстеют, но тот, кто его выращивает, получает хорошие деньги. Или тот, кто владеет полями. Кому здесь принадлежит земля? Тем, кто ее обрабатывает, или огромным сельскохозяйственным корпорациям? Я не знал.

Дорога до городка заняла несколько минут. Машина шелестела по ровному мокрому асфальту. Примерно через полмили я увидел два опрятных здания, новых, окруженных ухоженной зеленью. Полицейский участок и пожарная станция. Они стояли особняком, у просторного сквера с памятником, на северной окраине города. Симпатичная архитектура центра округа с богатым бюджетом. Ровный асфальт на дорогах, тротуары, вымощенные красной плиткой. В трехстах ярдах к югу возвышался ослепительно-белый шпиль церкви, за которым сбились в кучку немногочисленные жилые дома. Я разглядел флагштоки, навесы, свежую краску, зеленые лужайки. Все выглядело чистым после недавнего ливня. Все парило и казалось каким-то особенно свежим. Процветающий городок, обязанный своим благосостоянием доходам с сельскохозяйственных угодий и высоким налогам, которые платят жители, работающие в Атланте.

Сбавив скорость, машина свернула к полицейскому участку. Стивенсон по-прежнему не отрывал от меня глаз. Широкая подъездная дорога полукругом. Я прочитал выложенную кирпичом надпись: «Полицейский участок Маргрэйва». У меня мелькнула мысль: есть ли причины для беспокойства? Я арестован. В городке, где никогда прежде не бывал. Судя по всему, по подозрению в убийстве. Но я знал две вещи. Во-первых, нельзя доказать, что что-то случилось, если на самом деле этого не было. И во-вторых, я никого не убивал.

По крайней мере, не в этом городе и не в последнее время.

ГЛАВА 2

Мы подъехали прямо к дверям длинного невысокого здания. Выйдя из машины, Бейкер осмотрелся по сторонам. Ребята из группы прикрытия стояли рядом. Стивенсон обошел машину сзади и встал напротив Бейкера. Направил на меня ружье. Слаженная команда. Бейкер открыл мою дверь.

— Приехали, вылезай, — сказал он чуть ли не шепотом.

Покачиваясь на пятках, он огляделся вокруг. Неуклюже развернувшись, я с трудом выбрался из машины. Наручники никак не способствовали свободе движений. Жара усилилась. Шагнув вперед, я стал ждать. Отряд прикрытия занял позицию у меня за спиной. Впереди вход в полицейский участок. На узкой мраморной доске была высечена надпись: «Полицейский участок города Маргрейв». Под ней раздвижные стеклянные двери. Бейкер открыл одну створку, отводя ее до резинового упора. Меня подтолкнули вперед. Дверь плавно закрылась у меня за спиной.

Внутри здания нас снова встретила прохлада. Вокруг все белое и хромированное. Люминесцентные лампы. Так выглядит банк или страховое агентство. На полу ковровлин. При нашем появлении сидевший за длинным столом дежурный встал. Общий вид полицейского участка был таким, что я не удивился бы, если бы сержант

сказал: «Чем я могу вам помочь, сэр?» Но он ничего не сказал. Он просто молча посмотрел на меня. У него за спиной была дверь в просторное помещение. Там за низким, широким столом что-то набирала на компьютере темноволосая женщина в форме. Оторвавшись от экрана, она тоже посмотрела на меня. Я стоял в окружении двух полицейских. Стивенсон прижался спиной к столу дежурного. Его ружье по-прежнему было направлено на меня. Бейкер замер рядом с ним, не спуская с меня глаз. Дежурный сержант и женщина в форме смотрели на меня. Я смотрел на них.

Затем меня провели налево и остановили перед дверью. Бейкер распахнул дверь, и меня толкнули в комнату. Комнату допросов. Без окон. Белый стол и три стула. Ковер. В углу под потолком видеокамера. В комнате было очень прохладно. А я, промокнув до нитки под дождем, так и не успел высохнуть.

Я стоял посреди комнаты, а Бейкер извлекал содержимое моих карманов. Мои вещи образовали на столе небольшую кучку. Газета. Пачка банкнот. Немного мелочи. Квитанции, билеты, клочки бумаги. Изучив газету, Бейкер вернул ее мне в карман. Посмотрел на мои часы и оставил их у меня на запястье. Это его не интересовало. Все остальное было свалено в большой застегивающийся пакет, предназначенный для тех, у кого в карманах гораздо больше вещей, чем у меня. К пакету была прикреплена белая бирка. Стивенсон написал на ней какой-то номер.

Бейкер предложил мне сесть. Затем все вышли из комнаты. Стивенсон унес пакет с моими вещами. Полицейские закрыли за собой дверь, и я услышал щелчок солидного, хорошо смазанного замка, с массивной стальной щеколдой. Замка, который не выпустит меня отсюда.

Я ожидал, что на какое-то время меня оставят одного. Как правило, бывает именно так. Изоляция поро-
ж-

дает желание поговорить. Желание поговорить может породить желание сделать признание. Грубый, внезапный арест, а потом час полного одиночества — очень неплохая стратегия.

Но я ошибся. Меня не собирались оставлять одного. Возможно, второй небольшой тактический просчет. Открыв дверь, в комнату вошел Бейкер. Он держал в руке пластмассовый стаканчик с кофе. Сделав знак, Бейкер пригласил в комнату женщину в форме. Ту самую, которая печатала на компьютере. Массивный замок защелкнулся у нее за спиной. Женщина поставила на стол металлический чемоданчик. Раскрыв его, она достала длинную черную рамку, в которую были вставлены белые пластмассовые пластинки с цифрами.

Женщина протянула мне рамку с тем виноватым чувством, которое свойственно медсестрам в зубоврачебных кабинетах. Взяв рамку скованными руками, я взглянул, убеждаясь, что держу ее правильно, и поднес к груди. Женщина достала из чемоданчика старый фотоаппарат и уселась напротив меня. Поставив для упора руки на стол, она наклонилась вперед, коснувшись грудью края стола. Красивая женщина. Темные волосы, большие глаза. Я улыбнулся. Сверкнула вспышка, затвор щелкнул. Прежде чем женщина успела меня об этом попросить, я повернулся, подставляя свой профиль. Прижал рамку с номером к плечу и уставился в стену. Снова сверкнула вспышка, щелкнул затвор. Развернувшись назад, я вернул женщине рамку. Обеими руками, из-за наручников. Она приняла ее со сдержанной улыбкой, говорившей: «Да, это неприятно, но так надо». Со всем как медсестра в зубоврачебном кабинете.

Затем женщина достала оборудование для снятия отпечатков пальцев. Новенькая карточка, расчерченная на десять квадратов, уже пронумерованная. Как всегда, для большого пальца отведено слишком мало места.

У этой карточки на обороте было два больших квадрата для отпечатков ладоней. Наручники сильно затруднили процесс. Бейкер не предложил их снять. Женщина намазала мои руки чернилами. Пальцы у нее были гладкие и холодные, обручального кольца нет. Затем она дала мне тряпку. Чернила стерлись без следа. Какой-то новый состав, с которым я еще не встречался.

Разрядив фотоаппарат, женщина положила пленку и карточку с отпечатками пальцев на стол. Затем она убрала фотоаппарат в чемоданчик. Бейкер постучал в дверь. Замок снова щелкнул. Женщина собрала свои вещи. Никто не произнес ни слова. Женщина ушла. Бейкер остался со мной. Он закрыл дверь и запер ее на тот же самый смазанный замок. После чего, прислонившись к двери спиной, посмотрел на меня.

— Сейчас сюда придет наш начальник, — сказал он. — Он хочет с вами поговорить. У нас тут запутанная ситуация. Ее надо прояснить.

Я ничего не ответил. Разговор со мной не поможет прояснить никакую ситуацию. Но Бейкер вел себя вежливо. Относился ко мне с уважением. Поэтому я предложил ему тест. Протянул руки. Молчаливая просьба снять наручники. Встав, Бейкер поколебался и, достав из кармана ключ, снял наручники, пристегнул их к своему ремню. Посмотрел на меня. Выдержав его взгляд, я опустил руки. Никаких признательных вздохов облегчения. Никакого печального растирания запястий. Я не хотел устанавливать с этим парнем никаких отношений. Но я все же заговорил.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдемте встретимся с вашим начальником.

Я заговорил впервые с тех пор, как заказал завтрак. Так что Бейкер посмотрел на меня с признательностью. Он постучал в дверь, и ее открыли снаружи. Открыв дверь, Бейкер подал мне знак выходить. За дверью нас

ждал Стивенсон. Ружье исчезло. Отряд прикрытия исчез. Похоже, все потихоньку успокоились. Мы прошли через весь коридор до двери в конце. Стивенсон толкнул ее, и мы вошли в просторный кабинет, отделанный красным деревом.

За массивным письменным столом из красного дерева сидел жирный тип. У него за спиной висели два больших флага. Звездно-полосатый с золотой каймой слева и, как я решил, флаг штата Джорджия справа. На стене между флагами помещались большие старинные часы в круглом корпусе из красного дерева, выглядевшие так, словно их надраивали не один десяток лет. Я предположил, что эти часы находились еще в старом здании полицейского участка, которое снесли, чтобы выстроить это, новое. Наверное, архитектор пытался с помощью этих часов передать связь времен. Они показывали почти половину первого.

Меня подтолкнули к столу, и жирный тип поднял на меня взгляд. Пустой. Оценивающий. Он снова посмотрел на меня, на этот раз пристальнее. И, ухмыльнувшись, заговорил свистящим кашлем, который был бы криком, если бы его не душили больные легкие.

— Опускай свою задницу на этот стул и не смей открывать свою грязную пасть!

Жирный тип меня удивил. Он производил впечатление законченного кретина. Это никак не вязалось с тем, что я видел до сих пор. Бейкер и его люди знали свое дело. При задержании они действовали профессионально и уверенно. Женщина из лаборатории тоже кое в чем разбиралась. Но этот жирный начальник даром коптил небо. Грязные редкие волосы. Он обливался потом, несмотря на прохладу кондиционеров. Серое лицо в багровых пятнах, дряблые мышцы, гора лишнего жира. Давление космически высокое. Артерии твердые как камень. Судя по всему, пустое место.

— Моя фамилия Моррисон, — чихнув, объявил мне начальник. Как будто мне было до этого какое-то дело. — Я начальник полицейского участка Маргрейва. А ты — убийца-чужак. Ты явился в мой город и забрался во владения мистера Клинера. Так что сейчас ты во всем чистосердечно признаешься моему старшему следователю.

Умолкнув, полицейский снова посмотрел на меня. Точно пытаюсь вспомнить, где меня видел, или ожидая ответа. Он ничего не дождался. Начальник ткнул в меня жирным пальцем.

— А потом ты отправишься в тюрьму, — заявил он. — И сядешь на электрический стул. А потом я попрыгаю на твоей могиле, бездомный кусок дерьма.

Оторвав свою тушу от кресла, он отвернулся в сторону.

— Я бы сам с тобой поработал, — сказал он. — Но я человек занятой.

Начальник неуклюже выбрался из-за стола. Я стоял на полпути между столом и дверью. Проходя мимо, он остановился. Его жирный нос оказался на одном уровне со средней пуговицей моего пиджака. Начальник снова посмотрел на меня, определенно чем-то озадаченный.

— Я тебя уже видел, — наконец сказал он. — Где?

Он посмотрел на Бейкера, затем на Стивенсона. Слово ожидая, что они запомнят, что он сказал и когда.

— Я уже видел этого типа, — повторил начальник.

Он захлопнул за собой дверь кабинета, и я остался ждать вместе с двумя полицейскими старшего следователя. Это оказался высокий негр, не старый, но с редющими волосами с проседью, придававшей ему аристократический вид. Деловой и уверенный. Хорошо одетый, в старомодном твидовом костюме. Молескиновый жилет. Начищенные до блеска ботинки. Этот парень выглядел так, как должен был бы выглядеть начальник.

Он подал знак Бейкеру и Стивенсону, чтобы те нас оставили. Закрыл за ними дверь. Сел за стол и предложил мне сесть напротив.

Выдвинув с грохотом ящик, негр достал кассетный магнитофон. Высоко поднял его в вытянутой руке, вытягивая запутанные провода. Воткнул сетевой шнур и микрофон. Вставил кассету. Нажал клавишу записи и пощелкал по микрофону ногтем. Остановил кассету и отмотал ее назад. Нажал клавишу воспроизведения. Услышал щелчок своего ногтя. Удовлетворенно кивнул. Снова перемотал кассету назад и нажал клавишу записи. Я сидел и молча наблюдал за его действиями.

Какое-то время стояла полная тишина. Слышался лишь приглушенный шум кондиционера, ламп дневного света или компьютера. Или мягкое ворчание магнитофона. Я мог различить медленное тиканье старинных часов. Этот звук вселял спокойствие, словно заверяя меня, что часы будут идти вечно, независимо от того, что я буду делать. Наконец негр выпрямился в кресле и пристально посмотрел на меня. Сплел пальцы, как это умеют делать высокие изящные люди.

— Ну хорошо, — сказал он. — У нас есть кое-какие вопросы, правда?

Низкий голос, похожий на шум водопада. Акцент не южный. Внешностью и голосом следователь напоминал банкира из Бостона, но только был чернокожим.

— Моя фамилия Финли, — сказал он. — Звание — капитан. Я возглавляю следственное отделение полиции Маргрейва. Насколько я понял, вас предупредили о ваших правах, однако вы не подтвердили, что их понимаете. Прежде чем продолжить, мы должны уладить этот предварительный вопрос.

Не банкир из Бостона. Скорее, выпускник Гарвардского университета.

— Я понимаю свои права, — сказал я.

Негр кивнул.

— Хорошо, — произнес он. — Рад это слышать. Где ваш адвокат?

— Адвокат мне не нужен.

— Вас обвиняют в убийстве, — сказал негр. — Вам нужен адвокат. Знаете, мы обеспечим вас адвокатом. Бесплатно. Вы хотите, чтобы мы обеспечили вас бесплатным адвокатом?

— Нет, адвокат мне не нужен, — повторил я.

Сплетя пальцы, негр по фамилии Финли внимательно посмотрел на меня.

— Ну хорошо, — сказал он. — Но в таком случае вам придется подписать официальный отказ. Понимаете, вам посоветовали воспользоваться услугами адвоката, и мы готовы обеспечить вас адвокатом, причем без каких-либо затрат с вашей стороны, но вы категорически отказываетесь.

— Хорошо, подпишу, — согласился я.

Финли достал из ящика стола бланк, сверился с часами и проставил дату и время. Он протянул мне бланк. Строчка, где я должен расписаться, была отмечена большим крестом. Финли предложил мне ручку. Расписавшись, я протянул бланк назад. Финли его изучил. Убрал в светло-коричневую папку.

— Я не смог разобрать вашу подпись, — сказал он. — Так что начнем с того, что вы назовете свое имя, местожительство и дату рождения.

Снова наступила тишина. Я посмотрел на негра. Упорный тип. Судя по всему, ему лет сорок пять. Для того чтобы стать начальником следственного отдела Управления полиции штата Джорджия в возрасте сорока пяти лет, да еще чернокожему, необходимо быть очень упорным. Такому морочить голову бесполезно. Я набрал полную грудь воздуха.

— Меня зовут Джек Ричер, — сказал я. — Просто Джек Ричер. Без среднего имени. Адреса нет.

Финли записал то, что я сказал. Много времени это у него не заняло. Я назвал ему дату своего рождения.

— Хорошо, мистер Ричер, — сказал Финли. — Как я уже говорил, у нас к вам есть много вопросов. Я просмотрел ваши личные вещи. У вас не было при себе никаких документов, удостоверяющих личность. Ни водительского удостоверения, ни кредитных карточек — ничего. Как вы только что сказали, вы нигде не живете. Так что я спрашиваю себя: что это за человек?

Он не ждал с моей стороны никаких замечаний.

— Кто тот тип с бритой головой? — спросил Финли. Я молчал, не отрывая взгляда от больших часов. Следя за тем, как движется минутная стрелка.

— Расскажите мне, что произошло, — настаивал он.

Я понятия не имел, что произошло. Абсолютно никакого. С кем-то что-то произошло, но не со мной. Я сидел. И молчал.

— Что такое «*pluribus*»? — спросил Финли.

Посмотрев на него, я пожал плечами.

— Наверное, девиз Соединенных Штатов? — предположил я. — «*E pluribus unum*» — «В многообразии едины». Принят в тысяча семьсот семьдесят шестом году Вторым Континентальным конгрессом, верно?

Он лишь проворчал что-то нечленораздельное. Я смотрел прямо на него. Я решил, что этот человек сможет ответить на мои вопросы.

— Что все это значит? — спросил я.

Снова молчание. Настал черед Финли смотреть на меня. Я видел, он думает, отвечать ли мне и как.

— Что все это значит? — повторил я.

Откинувшись назад, он опять сплел пальцы.

— Вам хорошо известно, что все это значит, — наконец сказал он. — Убийство. С очень неприятными подробностями. Жертва была обнаружена сегодня утром на складах Клинера. У северного конца шоссе, пересекающего наш округ, у самой петли развязки на авто-

страде. Свидетель сообщил о том, что видел человека, идущего с той стороны. Около восьми часов утра. По его описанию, белый мужчина, очень высокий, в длинном черном пальто, светлые волосы, без шляпы, без сумки.

Опять молчание. Я белый мужчина. У меня очень большой рост. У меня светлые волосы. Я сидел перед Финли, одетый в длинное черное пальто. У меня не было шляпы и сумки. По этому шоссе я шел сегодня утром почти четыре часа. С восьми до без четверти двенадцать.

— Сколько по шоссе до этого места? — спросил я. — От автострады до города?

Финли задумался.

— Думаю, около четырнадцати миль, — сказал он.

— Точно, — согласился я. — Я прошел пешком весь путь от автострады до города. Около четырнадцати миль. Наверное, меня многие видели. Но это не значит, что я кому-то сделал плохо.

Финли ничего не ответил. Во мне разгоралось любопытство.

— Это ваш участок? — спросил я. — Вся местность до автострады?

— Да, наш, — подтвердил он. — Вопрос юрисдикции не стоит. Вам от нас не отделаться, мистер Ричер. Границы города простираются на четырнадцать миль, до самой автострады. Склады на моем участке, в этом нет сомнений.

Он остановился. Я кивнул. Он снова заговорил:

— Клинер построил эти склады пять лет назад. Вы о нем слышали?

Я покачал головой.

— Почему я должен был о нем слышать? — спросил я. — Я никогда прежде не бывал в ваших краях.

— Клинер у нас большая шишка, — продолжал Финли. — Со своей деятельности он платит много налогов, что для нас очень хорошо. Город получает большие по-

ступления, причем без лишней грязи и шума, так как склады далеко, правильно? Поэтому мы стараемся приглядывать за складами. Но вот они стали местом убийства, и вы должны нам кое-что объяснить.

Этот человек занимается своим делом, но он напрасно отнимает у меня время.

— Хорошо, Финли, — сказал я. — Я сейчас сделаю заявление, в котором опишу каждый свой шаг с тех пор, как я вошел в пределы вашего убогого городишки, и до того, как меня прямо посреди завтрака вытащили из-за стола, черт побери, и приволокли сюда. Если вы хоть что-нибудь из этого выудите, я дам вам медаль. Потому что в течение почти четырех часов я только и делал, что переставлял ноги под проливным дождем, все четырнадцать ваших драгоценных чертовых миль.

Это была самая длинная речь, которую я произнес за последние полгода. Финли молча таращился на меня. Я видел, что он сейчас решает основную дилемму, встающую перед следователем. Нутром он чувствовал, что я, скорее всего, не тот, кто ему нужен. Но я сижу перед ним. И что остается делать следователю? Я дал ему возможность подумать. Выжидая подходящего момента, чтобы подтолкнуть его в нужном направлении. Я собирался намекнуть о том, что, пока он тратит время на меня, настоящий убийца разгуливает на свободе. Это дало бы дополнительную пищу его беспокойству. Но Финли прыгнул первым. В ошибочном направлении.

— Никаких заявлений, — сказал он. — Я буду задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Вы Джек Просто Ричер. Без адреса. Без документов. Кто вы — бродяга?

Я вздохнул. Сегодня была пятница. Большие часы показывали, что она уже наполовину прошла. Этот Финли будет дотошно ковыряться во всех мелочах. Значит, мне придется проторчать за решеткой все выходные. Скорее всего, выпустят меня в понедельник.

— Я не бродяга, Финли, — сказал я. — Я странник. Это большая разница.

Он медленно покачал головой.

— Ты не умничай, Ричер, — сказал он. — Ты по уши в дерьме. Плохи твои дела. Наш свидетель видел, как ты уходил с места преступления. Ты здесь чужак, у тебя нет документов, ты ничего не можешь сказать в свое оправдание. Так что лучше не умничай.

Финли по-прежнему занимался своим делом и по-прежнему напрасно отнимал у меня время.

— Я не уходил с места преступления, — сказал я. — Я четыре часа шел пешком по этой треклятой дороге. Это ведь большая разница, правда? Преступники, покидающие место преступления, пытаются сделать это как можно быстрее и незаметнее. Они не пользуются общественными дорогами. Что плохого в том, чтобы идти по дороге? Люди постоянно ходят по дорогам, разве не так, черт побери?

Подавшись вперед, Финли покачал головой.

— Нет, — сказал он. — По этой дороге никто не ходил пешком с тех самых пор, как был изобретен автомобиль. И почему у вас нет адреса? Откуда вы родом? Ответьте на эти вопросы. Начнем все с самого начала.

— Хорошо, Финли, начнем с самого начала, — согласился я. — У меня нет адреса, потому что я нигде не живу. Быть может, когда-нибудь я буду где-то жить, тогда у меня появится адрес и я пришлю тебе открытку, чтобы ты вклеил ее в свой альбом, поскольку тебя, похоже, это очень беспокоит.

Финли смерил меня взглядом, решая, как ему отнестись к моей выходке. Он остановился на спокойствии. Спокойствии, объединенном с упорством.

— Откуда вы родом? — спросил он. — Какой ваш последний адрес?

— Что именно вы имеете в виду, спрашивая, откуда я родом? — спросил я.

Финли сжал губы. Я начинал выводить его из себя, но он сохранял выдержку. Прикрутил ее к себе нитями ледяного сарказма.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вы не поняли мой вопрос, так что позвольте растолковать его подробнее. Я имел в виду, где вы родились или прожили какой-то значительный период своей жизни, который вы интуитивно рассматриваете как доминирующий в социальном или культурном плане.

Я лишь молча смотрел на него.

— Приведу пример, — продолжал Финли. — Лично я родился в Бостоне, получил образование в Бостоне и в дальнейшем проработал в Бостоне двадцать лет, поэтому я имею полное основание сказать, и вы, думаю, со мной согласитесь, что я из Бостона.

Я был прав. Выпускник Гарварда. Выпускник Гарварда, начинающий терять терпение.

— Ладно, — заговорил я. — Вы задали мне вопросы, и я на них отвечу. Но позвольте сначала вам кое-что сказать. Я не тот, кто вам нужен. К понедельнику вы сами это поймете. Так что сделайте себе одолжение: не прекращайте поиски.

С трудом поборов улыбку, Финли кивнул:

— Благодарю вас за совет. И за заботу о моей карьере.

— Всегда пожалуйста.

— Продолжайте, — сказал он.

— Отлично. Согласно вашим мудреным определениям, я не происхожу ниоткуда. Я из места, именуемого Армия. Я родился на базе армии США в Западном Берлине. Мой старик служил в морской пехоте, а мать была француженкой. Они познакомились в Голландии и поженились в Корее.

Финли сделал пометку в блокноте.

— Я был сыном армии, — продолжал я. — Покажите мне перечень американских военных баз во всем мире — и вот перечень тех мест, где я жил. В школу я ходил

в двух десятках разных стран, а затем четыре года учился в военной академии в Уэст-Пойнте.

— Продолжайте, — повторил Финли.

— Я остался в армии, — сказал я. — Поступил в военную полицию. Я снова жил и нес службу на всех этих базах. А потом, Финли, после тридцати шести лет, прожитых на белом свете сначала сыном военного, а затем военным, я вдруг узнал, что больше нет необходимости в огромной, могучей армии, потому что Советы легли брюхом кверху. И вот ура! Мы стрижем купоны с окончания холодной войны. Что для вас означает то, что ваши налоги теперь будут тратиться на что-то другое, но я остаюсь безработным, бывшим военным полицейским, которого называют бродягой самодовольные гражданские болваны, не продержавшиеся бы и пяти минут в мире, в котором я жил.

Финли обдумал мои слова. Похоже, они не произвели на него особого впечатления.

— Дальше, — сказал он.

Я пожал плечами.

— Так что сейчас я просто получаю удовольствие от жизни, — сказал я. — Быть может, со временем я найду чем заняться, быть может, не найду. Быть может, я где-нибудь осяду, быть может, нет. Но прямо сейчас мне этого не хочется.

Финли кивнул. Сделал еще кое-какие пометки.

— Когда вы уволились из армии? — спросил он.

— Полгода назад. В апреле.

— И вы с тех пор нигде не работали?

— Вы шутите, — усмехнулся я. — Когда вы сами в последний раз искали работу?

— В апреле, — сказал он, пародируя меня. — Полгода назад. И я нашел это место.

— Что ж, вам повезло, Финли.

Я больше не знал, что сказать, и поэтому умолк. Финли какое-то время смотрел на меня.

Чайлд Л.

Ч 15 Джек Ричер : Поле смерти : роман / Ли Чайлд ; пер. с англ. С. Саксина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20300-6

Джек Ричер приезжает в Маргрейв с загадочной, но вполне мирной целью и... тут же попадает в полицейский участок. Оказывается, в этом тихом процветающем городке впервые за последние тридцать лет произошло убийство, а Ричер был замечен неподалеку от места преступления. На следователя его история не производит впечатления, так что задержанному еще придется доказать: он никого не убивал, по крайней мере здесь и сейчас, а кроме того, он далеко не новичок в полицейских делах. В городке становится все тревожнее, жестокие убийства продолжают, и под давлением обстоятельств, которые внезапно становятся личными, Джек Ричер начинает собственное расследование, все ближе подбираясь к зачинщикам аферы грандиозного масштаба.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЛИ ЧАЙЛД
ДЖЕК РИЧЕР
ПОЛЕ СМЕРТИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.10.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22,56.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-MBD-29151-01-R